

АВТОРСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ В СКАНДИНАВСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ И ЕГО ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Авторское повествование является разновидностью художественно-прозаической речи, противостоящей «прямой» речи рассказчика или какого-нибудь персонажа (им может быть, разумеется, и сам рассказчик). Это повествование ведется обычно лицом, которое не названо, стоит вне воссоздаваемых событий, но знает о них все, включая скрытые мысли и чувства их участников. Язык в повествовании используется как средство «объективного» отображения отношений между объектами и их деталями, между персонажами и обстоятельствами их жизни, т. е. он выражает прежде всего референциальные, предметно-логические значения и через них – эстетическую оценку действительности.

Основными речевыми формами авторского повествования являются изображение и описание. Изображением следует, по-видимому, считать воссоздание конкретных эпизодов, сцен, т. е. единичных ситуаций, в которых данные объекты производят одноразовые, краткие движения, индивидуальные и коллективные персонажи совершают однократные, непродолжительные действия, духовные и речевые акты (или воспринимают их результаты), а определенные пространственно-временные условия подвергаются мгновенным изменениям. Описание же имеет дело с характеристиками и статичными картинками, которые воссоздают повторяющиеся, относительно длительные действия и духовные акты персонажа и результаты этих действий: биологические, духовные и социальные процессы, а также стабильные состояния пространственно-временных условий.¹

Языковыми формами повествования являются высказывания, сверхфразовые единства, тексты, которые соотносятся с фактами действительности (пусть даже вымышленной) иначе, чем в обычной, «прагматической», прямой речи или ее художественной имитации (монологи рассказчика, диалоги персонажей). Поэтому категории предикативности, т. е. категории лица, времени и модальности получают в ней специфическое содержание. Особый интерес для теории перевода представляет вопрос о своеобразии отношения к внеречевой действительности локально-временных форм в скандинавских и русских предложениях. В авторском повествовании локально-временные формы соотносятся с пространством и временем воссоздаваемых событий, тогда как в прямой речи эти формы соотносятся с местом и моментом общения. Поэтому в повествовании наречия «здесь» и «теперь» упот-

¹ Менее дифференцированным является деление типов речи на описание и повествование. См.[1; 2 и др.]

реблюются в значении «там» и «тогда», а временные формы скандинавских и русских глаголов означают не время автора, а время персонажей.²

Известно, что главными временными формами глагола в авторском повествовании служат имперфект, а также презенс и кондишуналис I – в скандинавских языках, а прошедшее, настоящее и будущее время – в русском. В зависимости от некоторых обстоятельственных слов скандинавский имперфект и связанные с ним временные формы могут передавать характер эпических действий, определяющий деление повествования на изображение и описание. Так, например, имперфект скандинавских глаголов в сочетании с такими «индивидуализирующими» обстоятельственными словами и словосочетаниями, как «en gang», «en dag» (*однажды*), «plutselig» (*вдруг, внезапно*), «straks» (*сразу*), «med det samme» (*немедленно, в тот же миг*), «i dette øyeblikk» (*в это мгновение*) и т.п., дает возможность выразить однократное, непродолжительное действие и его результат, а также состояние конкретного объекта в условиях единичной ситуации, т. е. обеспечить изображение: «En dag mødte han tre Skoledrenge...» (*Однажды он встретил трех школьников ...*).

Тот имперфект скандинавских глаголов в сочетании с такими обстоятельственными словами как «ofte, tidt» (*часто*), «nu og da» (*время от времени*), «av og til», «sommetider» (*иногда*), «hver gang» (*каждый раз*), «om søndagene» (*по воскресеньям*), «aldri» (*никогда*), «alltid» (*всегда*) и т. п. позволяет передать значение кратного, длительного действия и его результата, состояние объекта в повторяющейся ситуации или вообще вне ее, т. е. дать описание: «Nu og da fik han agsaa lidt Hjælp af Lasse ...» (*Время от времени он получал также небольшую помощь от Ляссе...*).

При отсутствии в авторской речи указанных выше и подобных им обстоятельственных слов различить изображение и описание, как это будет показано дальше, можно лишь с помощью анализа широкого контекста.

Русские глаголы располагают для нужд изображения и описания специальными формами, соединяющими в себе категорию времени и видовые значения. Характерное для авторского повествования прошедшее время русского глагола может выражать совершенный и несовершенный вид действия. К тому же так называемые «непредельные глаголы» получают с помощью приставок не только грамматическое, но и дополнительное лексическое видовое значение (кричать – закричать, спать – поспать и т. п.). В этих условиях наличие в русском авторском повествовании еще и обстоятельственных слов, подобных приведенным выше скандинавским, обеспечивает четкое разделение изображения и описания. Сказанное можно в известной степени отнести также, например, к испанскому автор-

² См. об этом [3; 4], а также работы К. Гамбургер, Г. Вейнриха и многих других.

скому повествованию, в котором используются глаголы, имеющие, как известно, претерито-перфектные и претерито-имперфектные формы.

Исследование переводов скандинавской художественной прозы на русский язык обнаружило, однако, что различие изображения и описания в этой прозе является даже для опытных переводчиков непростым делом. Рассмотрим перевод фрагмента из главы семнадцатой (книги второй) романа Мартина Андерсена Нексе «Пелле-Завоеватель» (Нексе, стр. 480 – 481, перевод С. Г. Займовского).

Первый абзац семнадцатой главы начинается изобразительными предложениями: «В мастерской работать уже кончили, когда Пелле вернулся домой; но у него не было охоты бежать на берег купаться». Далее в том же абзаце автор описывает душевное состояние юного героя после первой его встречи со смертью человека и результат этих переживаний. Переводчик правильно передал это содержание с помощью описательных предложений, но, к сожалению, последующие три абзаца, которые изображают поведение Пелле, охваченного тревогой, были в русском тексте превращены в описание:

<p>Pelle syntes der var noget der kaldte, men kunde ikke klargøre sig hvor. Han krøb fra Vinduet ud paa Taget og op paa Husryggen – kanske var det Verden ...</p> <p>Saa sang det in hans Øre – og ude i det Fjærne; og bag ham stod nogen og stødte ned Aande frem om hans Nakke ...</p> <p>Han gik nede i Gaarden og drev, der var dyb Ro allevegne. Katten Pers sad paa Regnvandstønden og mjavede sygt efter Spurv paa Tørresnoren. Unge Mester hostede inde i sin Stue, han var allerede i Seng. Pelle hang over Brøndkarmen og kiggede tomt ind over Haverne ... (Martin Andersen Nexø, s. 184)</p>	<p>Пелле <u>чудилось</u>, что его кто-то зовет, но он не мог дать себе отчета откуда. Он <u>вылезал</u> из окна на крышу, а оттуда на самый конек, быть может, это зов мира?</p> <p>То у него <u>звенело</u> в ушах; то он слышал звон вдали; кто-то <u>становился</u> сзади и горячо дышал ему в затылок.</p> <p>Он <u>спускался</u> во двор и бродил там, везде царил глубокий покой. Кот Перс сидел на бочке с дождевой водой и отчаянно мяукал, зарясь на воробья, опустившегося на бельевую веревку; молодой мастер кашлял в своей каморке, он уже лежал в постели. Пелле перегнулся через сруб колодца и тупо смотрел вдаль, поверх садов ...</p>
---	---

Оснований для употребления глаголов в форме «чудилось», «вылезал», «звенело», «становился», «спускался» у переводчика не было, хотя можно предположить, что он хотел продолжить описание тревожного состояния героя, начатое в

первом абзаце. Содержание этих абзацев, особенно четвертого, настолько индивидуализировано, т. е. связано с неповторимыми, единичными фактами (кот Персидел на бочке с дождевой водой и отчаянно мяукал, зарясь на воробья, опустившегося на бельевую веревку ...), что более правильно было бы, по-видимому, продолжение не описания, данного в первом абзаце, а начального изобразительного предложения: «... Пелле вернулся домой ...». К тому же сам переводчик оказался вынужден перейти в четвертом абзаце к изображению, которое на фоне описательных предложений выглядит нелогично: «Он (обычно?) вылезал из окна ... Он (часто?) спускался во двор ...», а затем «перегнулся (или все время перегибался?) через сруб колодца». Очевидно, что правильный перевод второго, третьего и четвертого абзацев должен включать изобразительные формы: «Пелле почудилось, что его кто-то зовет ... Он вылез из окна на крышу ... Затем у него зазвенело в ушах ... ; кто-то встал у него за спиной ... Он спустился во двор ...» и т. д.

Косвенным признаком изображения может, как правило, служить развернутая прямая речь персонажей, их диалог, который часто составляет костяк воссоздаваемого автором единичного эпизода. Авторские слова, глаголы в имперфекте, вводящие эту прямую речь, переводятся в таких случаях в совершенном виде. Перевод этих слов посредством глаголов несовершенного вида допустим лишь в описательно-характеризующих предложениях, которые включают в себя краткие «цитатные» реплики, выражающие сложившееся мнение персонажа в более или менее стабильной, повторяющейся речевой форме (... как говаривал Ляссе: «Кто утром рано запоет, тот под вечер слезы льет»),³ а также в предложениях, в которых прямая речь сопровождает описание длящегося действия («Ну, что ты, мальчонка? Что ты?» – спрашивал старик с огорчением и дрожащей рукой гладил его по щеке»)⁴ Судя, например, по тексту четвертой главы книги (стр. 352 русского издания), переводчик не всегда учитывал это:

<p>Unge Mester saa op fra Bogen.</p> <ul style="list-style-type: none"> - Skal Jeg saa arve Bjerregravs Penge? - spurgte han skælmsk. - Nej du har aldrig gjort mig andet end godt - jeg vil ikke din Fortræd! ... - Visse Folk har dog selv Penge paa Kistebunde, sagde Mester Andres 	<p>Молодой мастер <u>отрывался</u> от книги и <u>поднимал</u> голову.</p> <p>- Не унаследую ли я капиталов Бьерреграва? – спрашивал он смеясь.</p> <p>- Нет, ты мне никогда не делал ничего, кроме хорошего, и я не хочу тебя обижать.</p> <p>- Но кое у кого имеются денюжки в сундуке, – с явным намеком <u>говорил</u> мастер Ан-</p>
---	--

³ См. русское издание, стр. 113

⁴ См. русское издание, стр. 96

<p>hentydende.</p> <p>- Nej det er forbi nu, – svarede den gamle glad. Jeg er lige saa rig som du nu – akkurat.</p> <p>- For Satan – har Bjerregrav nu sat det hele over Styr? Mester kørte rundt paa Stolen. (s. 50 – 51)</p>	<p>дерс.</p> <p>- Нет, это кончилось, – весело отвечал старик. Я теперь такой же богач, как и ты.</p> <p>- Что за черт! Неужели Бьерреgrav спустил все до ниточки? Мастер Андерс быстро повернулся на своем стуле.</p>
--	--

В четвертой и некоторых других главах встречаются сходные примеры неоправданной замены изображения описанием. Трудно представить себе, что каждый раз, когда Бьерреgrav приходил в мастерскую, мастер Андерс «отрывался от книги и поднимал голову», а затем он и его гость говорили одни и те же слова. Как бы ощущая невероятность такой ситуации, переводчик все же сообщил, что мастер «повернулся» (а не поворачивался!) на своем стуле.

В авторском повествовании на русском и скандинавских языках нередко используется презенс глаголов, причем чаще всего для целей изображения и реже – для описания. Различению этих разновидностей повествования в настоящем времени способствуют соответствующие, указанные выше, группы обстоятельственных слов («И вот теперь он вдруг отправляется туда ...» или «Друзья никогда не подводят его ...»).

Перевод изобразительных и описательных предложений подобного типа не представляет особых трудностей, однако в исследованном нами издании встречаются не вполне мотивированные, хотя в принципе и допустимые, замены изобразительного презенса датских глаголов изобразительным прошедшим временем русских (стр. 349):

<p>Men pludselig faar Nilen travit med at komme op – der lyder en skarp Stemme ute i Bageriet.</p> <p>- Ud af Vinduet, for Pokker, – hvæser han, – det er Svenden. – Og Pelle maa ud af Vinduet saa lang han er, og faar Støvlerne hevet bagefter sig. Idet han bener af, hører han den kendte Lyd af knaldende Lussing.</p> <p>(s. 48)</p>	<p>Но вдруг Нилен поспешно вскочил: в пекарне раздался чей-то резкий голос.</p> <p>- Скачи в окно, черт! – зашипел Нилен.</p> <p>- Это подмастерье!</p> <p>Пелле пришлось выпрыгнуть в окно; вслед за ним полетели сапоги. Ударяя, он услышал знакомый звук громкой оплеухи.</p>
---	--

Неоправданность такой замены подтверждается тем, что датский изобразительный презенс был вполне успешно и органично передан в четвертой главе русским настоящим временем на протяжении трех с лишним предшествующих страниц.

Особую проблему составляет перевод на русский язык так называемой несобственно-прямой речи, которая в скандинавских языках воссоздается с помощью глаголов в имперфекте и в форме кондишуналис I. Когда повествование Нексе излагает размышления, фантазии и мечты героя о будущем, переводчик чаще всего пользуется русскими глаголами в будущем времени и реже – в настоящем. Эти две временные формы имеют своеобразную взаимосвязь: будущее время может без натяжки заменить настоящее, но не наоборот. Дело в том, что первая форма употребляется в переводе тогда, когда два действия (состояния) четко разграничены по времени с помощью обстоятельственных слов и соответствующих им парафраз:

<p>... Saa en Dag traf han en Kyst der behagede ham ... (s. 8)</p> <p>Han hørte deres forfærdede Udbrud – men hvad saa? Han skulde ikke over at lege med dem mere i Haven med de store Konkyljer og Korallblokkene! Han skulde ut paa Landet og forsørge Sin gamle Fader! Bagefter naar det var overstaaet vilde han selv ud at sejle efter de ting – hele Skibsladninger! (s. 23)</p>	<p><i>Когда-нибудь он причалит к берегу, который придется ему по душе ... (стр. 312)</i></p> <p><i>Он слышал их испуганный крик, – но что за беда! Он не будет больше перелезать к ним в сад и играть крупными раковинами и ветками кораллов. Он вернется в деревню и будет заботиться о своем старом отце. А потом, когда все устроится, он сам поплывет за этими штуками и привезет их полные корабли. (стр. 326).</i></p>
--	--

Что же касается формы настоящего времени, то она годится, по-видимому, для изображения тех возможных в будущем поступков героя, которые совершаются как бы в момент размышления:

<p>For Pelle havde givet Skomageriet en god Dag og gik hjemme som Gaardsmand.</p>	<p><i>Сам Пелле в один прекрасный день бросает сапожное ремесло и возвращается домой на хутор.</i></p>
---	--